

Илья Рудяк

Бусы Анны Ахматовой

Anna Akhmatova's Beads

Ilya Rudiak

А. А. Ахматова. 30-е г.г.
A. A. Akhmatova. 1930s.

Фото М. С. Напельбаума
Photo by M. S. Nappelbaum

Илья Рудяк

Бусы Анны Ахматовой

Перевод на английский - Эрик Рудяк

English translations - Erick Rudiak

Перевод стихотворений на английский - Нина Сандлин

English translations of poems - Nina Sandlin

Anna Akhmatova's Beads

Ilya Rudiak

Компьютерный набор и верстка - Д. Халабуда
Book design - D. Khalabuda

Макет - И. Рудяк
Maquette - I. Rudiak

Фотографии Анны Андреевны Ахматовой работы
Моисея Соломоновича Наппельбаума:
на обложке, на фронтисписе, и на страницах:
17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 27, 28.

Photographs of Anna Andreevna Akhmatova
on the cover, frontispiece, and pages:
17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 27, and 28
are works of Moisei Solomonovich Nappelbaum.

...старик не любил Москву.

Из всех мест, где приходилось жить и бывать, хорошо ему было только в Санкт-Петербурге.

В Евпатории, будучи совсем юношей, он восхитился гимназисткой старших классов, пришедшей сняться на дагерротип. Такую светловолосую красавицу он видел впервые. В родном Минске его всегда окружали смуглые, черноглазые, застенчивые девушки. Эта – была свободна в движениях, с открытой улыбкой, высокая, ему под стать.

Он волновался – первый самостоятельный портрет! Получится ли? Сумеет ли он передать эту неповторимость, эту прелесть, этот шарм?

Сумел.

... the old man detested Moscow.

Of all the places he happened to live and be in, he found happiness only in St. Petersburg.

In Eupatoria, when he was still a young lad, he was enraptured by a girl from the upper classes, who came to have her daguerreotype taken. It was the first time he had seen such a fair-haired beauty. In his native Minsk, he was forever surrounded by swarthy, dark-eyed, demure girls. This one was tall, uninhibited in her movements, smile beaming - his perfect match. He worried for his first independent portrait. Would it come out? Could he convey such inimitability, such beauty, such charm?

He could.

Хозяин выставил портрет в витрине ателье. Плодом его вдохновения любовался весь город.

Однажды утром, ещё издали, он увидел вырезанный квадрат в стекле – портрет исчез. Его выкрал влюблённый в гимназистку одноклассник.

...её звали Ликой – модное тогда имя.

Он мог остаться в Одессе. Сказочное место: море, степь, катакомбы. Снимал угол в доме многодетной семьи на Молдаванке. Хозяйка явно рассчитывала, что ему понравится её старшая дочь, и у неё будет зять не ахти какой профессии, но зато красивый еврейский парень.

... ушлыл в Америку...

His mentor put the portrait out on display in the front window. The rays of his inspiration shone for the whole town.

One morning, even from afar, he was able to discern the square that was cut out from the glass from which the portrait had disappeared. It had been stolen by her smitten classmate.

... she was named Lika - such was the mode at the time.

He could have stayed to live in Odessa. It was a magical place - the sea, the steppe, the catacombs. He rented a corner in a child-filled house on the Moldavanka. The landlady obviously hoped that he would take a liking to her eldest daughter, and she would have a son-in-law, albeit not one of a reputable profession, but a handsome Jewish boy nonetheless.

...He sailed to America.

... в том же году, в той же Одессе родилась героиня нашего дальнейшего рассказа...

...Санкт-Петербург...

Кружится грамофонная пластинка. Его дочери учатся танцевать. В белых платьицах они вальсируют на паркетном полу и всегда неожиданно для него падают на диван, уставшие, счастливые, заливающиеся смехом.

Это повторяется снова и снова...

...впервые она появилась осенью...

Он слышал о ней не раз. Дети повторяли на все лады: Анна Ахматова, Анна Андреевна Ахматова... Эти три «А» витали в их доме, как ангелы на виньетках паспарту.

... That same year, in that same Odessa, the heroine of our latest tale was born.

... St. Petersburg...

A record spins on the gramophone. His daughters are learning to dance. In white gowns, they waltz on the parquet, always, unexpected to him, falling on the divan, exhausted, happy, drowning in laughter.

The scene repeats itself again and again...

... She appeared for the first time in autumn...

He had heard of her many a time. His children chanted: Anna Akhmatova, Anna Andreyevna Akhmatova... These three “A”s floated through their house, like angels on vignettes.

...высокая, худая, в длинном светлом платье, усыпанном тёмными мелкими цветочками, с ровно подстриженной чёлкой над лбом – она заполнила собой всё пространство.

Внимательный глаз фотографа сразу отметил резкую горбинку на носу, не портящую женское лицо, делающую его ещё привлекательнее, неотразимее.

И Ида, и Оля, и Фрика, и самая младшая, Лиля, жались у открытой двери, не отрывая глаз от долгожданной гостьи.

Они увели Анну Андреевну в гостиную, а он стал подбирать пластины для съёмки.

...tall, slender, in a long, bright dress speckled with tiny dark flowers, evenly-cut bangs on her forehead - her essence filled the room.

The photographer's careful eye immediately remarked the distinct hook in her nose, which didn't affect the femininity of her face, rather making it more attractive, unique.

Ida, Olga, Frika, and even little Lilya squeezed to the open door, not daring to tear their eyes away from the long-awaited guest. They took Anna Andreyevna to the guest room as he began to gather plates for the shoot.

...мастер долго усаживал Анну Андреевну в кресло. Она не могла в нём ужаться. Ей хотелось как бы присесть на краешек, ненадолго, и легко вскочить, когда закончится фотографирование.

Он размышлял: «В профиль – решено... шея великолепна... хорошо бы и руки показать... и всё же чего-то не хватает... конечно, нужны бусы!» – наконец понял он.

Дочери побежали в спальню и через минуту принесли длинную нить из чёрного агата. Каждая ухватила за неё, желая первой помочь одеть бусы на шею Анне Андреевне.

Неожиданно нить порвалась, и агат со стуком разметался по всему ателье.

... the master required a long time to seat Anna Andreyevna. She could not make her peace with the chaise. She merely wanted to sit on its corner, for just a moment, not for long, and leap up sprightly, when the photographing was over.

He thought: “Definitely the profile... the neck is magnificent... it would be nice to show the hands as well... but still something is lacking... of course, she needs beads!” and finally he understood.

His daughters raced into the bedroom and returned in a minute, carrying a long string emblazoned with agate. Each girl clutched at it, longing to be the one to encircle Anna Andreyevna’s neck with the beads.

Suddenly, the string broke, and the studio filled with the tapping of agate.

Дети испугались, смутились и застыли в нерешительности, ожидая порицания отца, но Анна Андреевна предложила всем вместе быстро собрать бусинки и первая принялась за поиск.

Девочки за ней.

- Вот ещё одна... и вот... и вот.

Нашлось семьдесят семь.

- Я загадала: вот столько и проживу, – тихо произнесла Ахматова, как бы извиняясь, и снова села в кресло.

Возникла тишина...

“... ведь он снимал и Блока, и Гумилёва, и Пастернака...” - подумала она и подняла руку с бусами к плечу.

The children, frightened and embarrassed, froze, awaiting their father's reproach, but Anna Andreyevna suggested that they all quickly gather the beads, and set off on the search. The girls followed.

Here is another one... and another... and another one here.

Seventy-seven were found.

“I guess, that's how long I'll last,” whispered Akhmatova, as if apologizing, and resumed her place on the chaise.

A silence arose...

“... he photographed Gumilev... and Blok... and Pasternak...” she thoughts and raised the hand with the beads to her shoulder.

Лик её был «печален и светел». Мастер схватил этот миг и запечатлел навеки.

...он проводил Анну Андреевну до Фонтанного Дома. Когда они шли по улицам и переулкам, встречные оборачивались на них: импозантных, красивых, высоких...

Прощаясь, Анна Андреевна вспомнила: «У маминой подруги Лики, в Евпатории, сохранился по сей день портрет вашей работы. Я это поняла сразу, увидев на Невском «Светопись Наппельбаума»...

Он поцеловал её руку, подумал: «Значит, счастливые минуты могут повторяться!»

Her expression shone sorrow and light. The master captured this moment and held it captive for the ages.

... He walked her to the Fountain House. When they walked down streets and alleys, passers-by admired them: imposing, beautiful, towering...

Departing, Anna Andreyevna remembered: “My mother’s friend, Lika, in Eupatoria, still has, to this day, a portrait of your making. I understood that immediately when I saw ‘Photography by Nappelbaum’ on Nevsky...”

He kissed her hand, thinking “Joyous moments truly can be repeated.”

“А юноша, вырезавший алмазом стекло, погиб в Белой Гвардии...» – закончила Ахматова и быстро скрылась за колоннами..

...он фотографировал ее часто и всегда как будто впервые....

...большевистское правительство перебралось в Москву и прихватило с собой нужного фотографа...

...вожди, полководцы, старые большевики, молодые партийцы, рабочие, колхозницы, стахановцы, папанинцы...

...именитые актёры, певцы, балерины, художники, писатели, поэты, учёные, музыканты...

“... and the boy who cut the glass died in the White Guards...” concluded Akhmatova and quickly disappeared behind the columns.

... he frequently took snapshots of her, and always as if it was for the first time...

... Bolshevik might moved into Moscow, taking with it the requisite photographer ...

... rulers, generals, old Bolsheviks, young partisans, laborers, collectivists, Stakhanovites, Papaninites...

... actors, singers, ballerinas, artists, writers, poets, scientists, musicians...

...калейдоскоп лиц новых совбуров и погибающих аристократов духа.

...Анна Андреевна часто наезжала в Москву, но ни разу их пути не пересекались. Она была гонима, издаваема, непечатаема.

...его тянуло в Санкт-Петербург. Хотелось пройтись по Невскому, заглянуть в ателье, побродить по набережной, походить по залам Эрмитажа, постоять перед рембрантовским «Стариком»...

...позвонить в дверь Фонтанного Дома...

Когда старшая дочь вернулась из ссылки в Ленинград, он решил поехать. Ни сын, ни ещё две дочери, жившие в Москве, не должны были знать об этом – они не пустили бы восьмидесятисемилетнего старика в дорогу. Сопровождала его любимица Фрика.

...реминисценция с уходом Льва Толстого.

... a kaleidoscope of faces, from the new “Soviet bourgeoisie” to expiring aristocratic souls.

... Anna Andreyevna often visited Moscow, but not once did their paths cross. She was persecuted, unpublishable, unprintable.

... He longed for St. Petersburg. He wished to promenade across the Nevsky, glance into the studio, stroll along the waterfront, walk the halls of the Hermitage, stand by Rembrandt’s “Old Jew”...

... ring the bell of the Fountain House...

When his eldest daughter returned from exile to Leningrad, he decided to go. Neither his son, nor his two daughters in Moscow, could know about it - they wouldn’t allow an eighty-seven-year-old man to take to the road. His beloved Frika accompanied him.

... reminiscent of the parting of Lev Tolstoy.

Осенний дождик мелко и беспрерывно накрапывал с утра. Ида и Фрика ушли в Гостиный Двор...

...он пустился в путь сам. Не спрашивал ни у кого, как пройти, а уверенно, как будто это было совсем недавно, прошёл к ограде знакомого дома...

...прошло всего тридцать пять лет...

Мастер не решился позвонить. Без предупреждения не принято, да и как встретит...

Из подъезда вышли две женские фигуры. Одна рыхлая, крупная, в тёмном плаще, с белой короной волос над гордо поднятой головой, а другая юная, хрупкая, вся внимание, вся подобострастие.

The November rain drizzled lightly and incessantly since morning. Ida and Frika left for the Guest dvor...

... he departed on his journey alone. He made no inquiries of his route, but confidently, as if it had been just yesterday, came to the gate of a familiar home...

... a mere thirty-five years had passed...

The master debated whether to ring. It is not customary without invitation, and then how would he be received...

Two female figures emerged from the entranceway. One flabby and grand, in a dark raincoat and a white crown of hair upon a proudly raised head; the other young, frail, consumed by attentiveness and servility.

Девушка раскрыла зонт и подняла над... Анной Андреевной.

...это была она.

Казалось, ничего общего не осталось от той артистичной, неповторимой оболочки, которую так точно передали и Модильяни, и Альтман, и он сам, но ... царственность присутствовала и сейчас.

Они стали приближаться. Он снял старомодную шляпу и слегка наклонил седую голову. Поравнявшись, Ахматова стала рыться в сумочке, но юная спутница потянула её за рукав, сказав что-то недоброжелательное...

...дождь хлестал по лицу, он продолжал стоять, сжав шляпу в руках, и ещё увидел, как они завернули за угол и Анна Андреевна обернулась назад... обернулась назад...

The young girl unfurled her umbrella and raised it above... Anna Andreyevna.

... it was her.

It seemed as if nothing remained of that artistic, unforgettable vision, which was so precisely portrayed by Modigliani, and Altman, and even himself, but... royalty, her royalty was evident still.

They approached. He removed his outmoded chapeau, and bowed his greyed head slightly. Coming up alongside, Akhmatova fumbled through her purse, but the girl tugged at her arm, saying something ill-natured...

... the rain whipping his face, he continued to stand, squeezing his hat in his hands, and managed to glimpse, as they turned the corner, Anna Akhmatova looking back... looking back...

А. Горенко (А. Ахматова). 1905. Евпатория.
A. Gorenko (A. Akhmatova). 1905. Eupatoria.

А. Ахматова. 20-е гг.
A. Akhmatova. 1920s.

А. Ахматова. Царское Село. 20-е г.г.
A. Akhmatova. Tzarskoe Selo. 1920s.

Дети фотографа М. Наппельбаума с двумя
подругами. Санкт-Петербург.
Children of photographer M. Nappelbaum with
two friends. St. Petersburg.

А. Ахматова. Санкт-Петербург. 1924 г.
A. Akhmatova. St. Petersburg. 1924.

А. Ахматова. 1924 г.
A. Akhmatova. 1924.

А. Ахматова. 1925 г.
A. Akhmatova. 1925.

М. Наппельбаум. Начало 20-х.
M. Nappelbaum. Early 1920s.

А. Ахматова. 20-е г.г.
A. Akhmatova. 1920s.

А. Ахматова. 20-е г.г.
A. Akhmatova. 1920s.

А. Ахматова. 20-е гг.
A. Akhmatova. 1920s.

М. Наппельбаум. В середине 20-х.
M. Nappelbaum. Mid-1920s.

А. Ахматова. В середине 20-х.
A. Akhmatova. Mid-1920s.

А. Ахматова. В конце 20-х.
A. Akhmatova. Late 1920s.

А. Ахматова. Фантанный дом. 1919.
A. Akhmatova. Fountain House. 1919.

А. Ахматова. Начало 20-х.
A. Akhmatova. Early 1920s.

А. Ахматова.
Фантанный дом.
Начало 20-х.

A. Akhmatova.
Fountain House.
Early 1920s.

Семья фотографа М. Нappельбаума на даче с друзьями.
Family of photographer M. Nappelbaum at their summer house with friends.

А. Ахматова в гостях у С. Шервинского. Старки. 1936 г.
A. Akhmatova at S. Shervinsky's house. Starki. 1936.

А. Ахматова с И. Буниной и Аней Каминской. 1958 г.
A. Akhmatova with I. Bunina and Anya Kaminskaya. 1958.

А. Ахматова. Началд 60-х.
A. Akhmatova. Early 1960s.

Поэт А. Кленов преподносит
А. Ахматовой свою книгу.
Москва. 1957 г.

Poet A. Klenov presents his
book to A. Akhmatova.
Moscow. 1957.

М. Наппельбаум в кабинете. 30-е г.г. Москва.
M. Nappelbaum in his office. 1930s. Moscow.

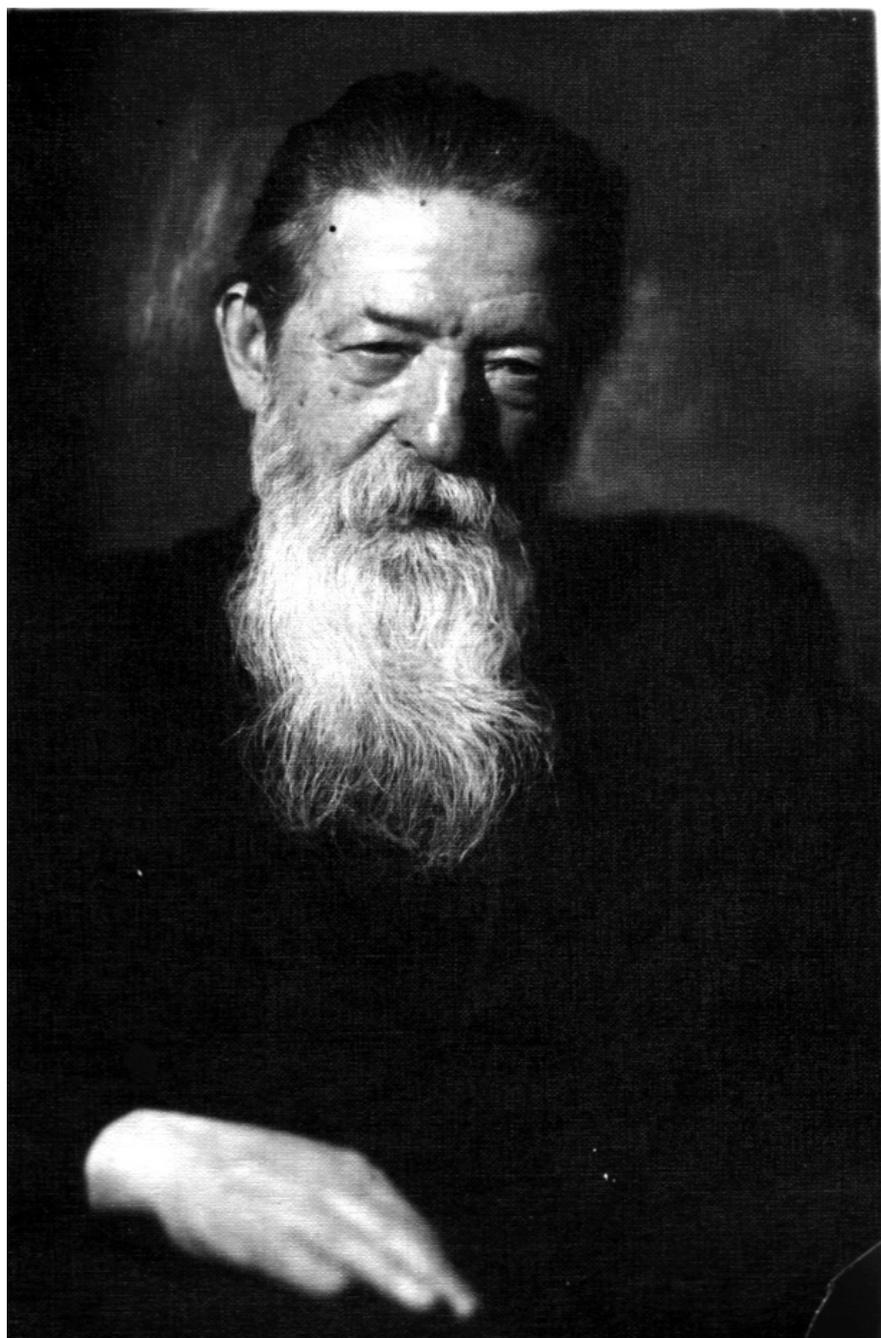
М. Наппельбаум. В конце 50-х.
M. Nappelbaum. Late 1950s.

А. Ахматова. 60-е г.г.
A. Akhmatova. 1960s.

А. Ахматова. В конце 50-х.
A. Akhmatova. Late 1950s.

М. Наппельбаум. 1957 г.
M. Nappelbaum. 1957.

Экслибрис Е. Ольшанской

Художник Ю. Черепанов

Стихи Анны Ахматовой

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится всё слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

1909

The pillow is already hot
On both sides.
The second candle flickers out
And now the ravens' cries
Outside grow more distinct.
I haven't slept this night --
Too late to think of sleep...
How unbearably white it is,
The curtain on that white window.
Hello!

1909

Стихи Анны Ахматовой

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легла...
Кто сегодня мне приснится
В пёстрой сетке гамака?

1910, Киев

Hot drafts of airless wind
The sun has burned my hands
And the dome of sky
Is just like blue glass.

A dry smell of immortels
In my disordered plaits
The ragged pine trunk
Is a thoroughfare for ants.

The lake is lazy chrome.
Life has new easiness.
Now, who will I dream of
In the hammock's colored nets?

1910, Kiev

Стихи Анны Ахматовой

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стёртые карты Америки,
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

1911

He loved three things in life --
Evensong, white peacocks,
And old, worn maps of the New World.
He didn't like it when children cried,
He didn't like tea with raspberry
Or female hysterics.
... And I was his wife.

1911

Стихи Анны Ахматовой
Песенка

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю –
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Всё сильнее запах тёплый
Мёртвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

1911, Царское Село

Little Song

At the sunny dawn
I sing about love
On my knees in the garden
I'm pulling goose-foot weed.

I rip it out and toss it --
See if it forgives...
And I see a barefoot girl
Crying at the hedge.

Her loud sobs unnerve me
They ring out with distress.
The warm smell of dead goose-foot
Is growing very thick.

A stone instead of bread
Will be my mean reward.
Above me, only sky,
And with me, just your voice.

1911, Tzarskoe Selo

Стихи Анны Ахматовой

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зелёной;
Заметает ветерок солёный
Чёрных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

1912, август

Venice

A gold columbarium by the water,
Which flows tender and meltingly-green;
A salty breeze sweeps away
The narrow trails of black boats.

The crowd is full of strange and gentle faces,
Each shop has brightly colored toys:
A lion reading on an embroidered pillow,
A lion reading on a marble post.

The sky cools to a tarnished blue
Like something on a blown and ancient stem...
But it's not oppressive in this crowded place,
Not stifling in its heat and damp.

1912, August

Стихи Анны Ахматовой

Голос памяти

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только – и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

1913. Июнь. Слепнево

The Voice of Memory

To O. A. Glebova-Sudeikina

What do you see, in that hour that you stare at the wall
When the sky holds late dawn?

A seagull on the blue tablecloth of sea,
Or Florentine gardens?

Or those vast grounds at Tsarskoe Selo
Where dread crossed your path?

Or him at your knees,
Who abandoned your bondage to gain a white death?

No, I see only the wall - and on it
Reflections of the sky's fires going out.

1913. June. Slepnevo

Стихи Анны Ахматовой

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всём тебе удача,
Ото всех почёт,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счёт.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас слепых и тёмных
Светел Божий дом.

И для нас, склонённых долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

1913

You will live, not knowing hardship,
To govern and to judge
With your quiet lady
Bringing up your sons.

In all things, you will gain conquests,
And from all, respect.
Not for you to know that, weeping,
Of days I'm losing track.

There are many like me, homeless.
Our strength comes from this:
That for us, the dim and blind ones,
The house of God is lit.

And for us, bent to our portion,
The altars are alight.
To the high throne of our Lord
Our voices are in flight.

Стихи Анны Ахматовой

Данте

Il mio bel San Giovanni
Inferno. Dante

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог её забыть,-
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажжённой не прошёл
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

1936

Dante

Il mio bel San Giovanni
Inferno. Dante

Even after death he did not return
To his old Florence.
Leaving, this one did not look back.
I sing this song for him.
A torch, the night, a last embrace,
Outside fate howled.
From hell he sent her a curse,
And couldn't forget her in heaven -
But barefoot, in a penitential shirt,
He never walked with a lit candle
Through the Florence that he loved,
Faithless, low, and long-awaited...

1936

Стихи Анны Ахматовой

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к берёзам и грибам.
К широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, как в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачёвское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

1944-60

It's time to forget this braying of camels
And the white house on Zhukovski Street
Time to return to the birches and mushrooms
Of Moscow's broad-spirited autumn.
There, where it's morning and everything shines,
The sky is hauling itself to a height
And the Rogachevsky highway remembers
Young Blok's brigandish whistle...

1944-60

Стихи Анны Ахматовой

И в памяти чёрной, пошарив, найдёшь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный, и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнётся презрительно Блок –
Трагический тенор эпохи.

1944-60

If you dig in your dark memory, you'll find them --
The elbow-length gloves
And the Petersburg night. In the theatre,
That airless, sweet fragrance.

And the wind from the bay. And there, between lines,
Avoiding the sighs and applause,
Blok glances at you and disdainfully smiles --
The tragic tenor voice of the age.

1944-60